

1
ВЫПУСК

МОСКОВСКОГО
ЦЕНТРА
КАРНЕГИ

Бриффинг

ТОМ 8

январь 2006 г.

Россия-2006: бег на месте

Лилия ШЕВЦОВА

Владимир Путин выполнил свою историческую миссию — он завершил начатое Ельциным строительство бюрократически-авторитарной системы, которая стала формой сохранения традиционного для России единовластия, на сей раз в либерально-демократической оболочке. Путину удалось одновременно и вернуть Россию в прошлое, и встроить ее в современный контекст, при этом легитимировав власть на основе чуждых ей принципов. Вопрос в том, насколько долго правящий класс сможет играть в этот иллюзион, а общество верить в его реальность.

Хамелеон по-русски

Прошедший 2005 г. важен тем, что зафиксировал логику бюрократического авторитаризма. Мощным ускорителем, заставившим срочно дорабатывать систему, стало не только приближение момента самовоспроизводства российской власти, но и «оранжевая революция» на Украине, продемонстрировавшая неустойчивость постсоветской государственности. Не будет преувеличением сказать, что все действия российской власти по укреплению политического режима на протяжении 2005 г. были реакцией на украинский Майдан.

Перечислим системные меры, которые предпринял Путин на завершающей стадии оформления бюрократически-авторитарной государственности. Он возвратился к принципу *неделимости* — слиянию всех властей и сращиванию власти с собственностью. Со стихийно возникшей при Ельцине независимостью политических институтов и относительной автономностью экономики было покончено. Однако делать вывод о «советизации» России на основании ее возвращения к неделимости было бы ошибкой. В отличие от партийного государства в стране оформилось государство бюрократическое, в котором «доминирующая партия» является придатком исполнительной власти. И даже партийное правительство, партийные губернаторы и партийный президент не могут привести к ответственности исполнительной власти перед партией, а партии перед ее членами в силу иной причинно-следственной зависимости. Нынешняя власть вынуждена играть в партийные игры, чтобы завуалировать реальную сущность бюрократического авторитаризма. Но власть не готова к самокастрации за счет придания

«Единой России» роли собственного ограничителя либо посредника в отношениях с обществом. Речь идет о «прагматическом», т. е. безыдейном государстве, которое утилитарно использует любую идеологию. Причем нынешняя политическая система и ее стержень — государство служат формой персонифицированного режима, который, в свою очередь, представляет обезличенную бюрократию. Именно поэтому новая российская государственность более неустойчива, чем прежняя, ибо не имеет подстраховочных звеньев, которые могли бы придать гибкость исполнительной вертикали.

Новая государственность может менять риторику, стиль и самопроявления, приспособляясь к ситуации. Сам этот факт свидетельствует о том, что в ней отсутствуют свойственные досоветскому и советскому государствам миссионерское начало и амбиция быть мировым полюсом. Мы имеем дело с исторически *промежуточной* государственностью, которая является способом выживания власти и общества, когда они не хотят вернуться в прошлое, но и не готовы окончательно расстаться с ним.

Государственность, повисшая между эпохами и избегающая четкого самоопределения, предполагает *имитационность*, в создании которой путинская команда достигла совершенства. Речь идет об имитации либерально-демократической и правовой систем, которая компенсирует отсутствие развитых силовых и идеологических механизмов властвования и неготовность правящего класса использовать насилие в полной мере, но при этом дискредитирует либерально-демократические принципы, лишая их возможности стать альтернативой.

Путин, дорабатывая государственный гибрид, сумел сделать Запад *системным фактором* бюрократически-авторитарной системы. Так, российская элита рассматривает партнерство с Западом как средство финансовой подпитки политического режима и его международной легитимации. Но при этом элита использует антизападничество в целях мобилизации общества на основе поиска врага. Словом, возвратив элиту в Европу, российская власть закрыла Европу как ценностный ориентир для общества. В этом контексте приглашение Шрёдера в качестве наемного работника «Газпрома» и одновременно стремление закрыть доступ в страну для западного

влияния является отражением «*политики несовместимостей*», которая служит средством выживания системы, балансирующей между прошлым и настоящим.

Власть сумела получить одобрение Конституционного суда для права президента назначать губернаторов, которое создает почву для игнорирования Конституции и подрыва федеративного устройства государства. Таким образом, Россия вернулась в режим *политической целесообразности*, и жизнь «по понятиям» получила формальное оправдание. Парадокс в том, что конъюнктурное отношение власти к Конституции утвердилось в период президентства Путина, который требование конституционности выдвигает в качестве основополагающего фактора упорядочивания общества.

Наконец, Россия входит в 2006 г., имея консенсус в рамках политического класса относительно сохранения статус-кво. Этот консенсус отражает ситуацию, когда все основные элитные группы не желают радикальных перемен, ибо каждая нашла в рамках нынешнего государства формы реализации своих интересов, причем представляя их как интересы общественные.

Логика очевидна — поговорим о деталях

Российский бюрократический авторитаризм сумел не только упорядочить свою структуру, но и отработать механизмы выживания. Причем в отличие от предыдущих своих инкарнаций нынешнее единовластие пытается избегать массового насилия, склоняясь к патронажно-клиентелистским отношениям с окружающей средой. Примером *институционализации лоялизма* является формирование Общественной палаты, которая должна поддерживать среди активных слоев общества дух сывильности в обмен на те или иные дивиденды, иногда просто на ощущение сопричастности либо близости к власти. Инкорпорирование во власть либералов, державников и популистов блокирует формирование оппозиции как на правом, так и на левом флангах политического спектра. Пока в рамках этой власти остаются либеральные символы начиная с Чубайса и кончая Грефом, сама власть, сохраняя *межеумочность*, препятствует формированию реальной либеральной оппозиции. Пока президент использует национал-патриотическую тему, сужается поле национал-популистской оппозиции. Заполнение потенциальных протестных ниш политическими клонами — еще один способ нейтрализации антисистемных угроз.

На протяжении 2005 г. в России произошла политическая реорганизация, которая может восприниматься как усиление авторитаризма. Но фактически происходит усиление *бюрократической корпорации* за счет осуществления ею полномочий лидера, который сам не способен с этими полномочиями справиться и вынужден их делегировать тем или иным группам бюрократии. В результате неизбежно ослабление авторитарности лидерства. В этом контексте вопрос, кто принимает решения и кто более влиятелен — президент или окружение, не имеет смысла. В рамках бюрократического авторитаризма лидер зависит от бюрократической корпорации, и чем дальше, тем больше, — но только он способен легитимировать ее решения, которые она может выполнять либо нет.

Если в ельцинский период внутри правящей корпорации можно было вычленивать слабые, но все же реформаторские импульсы, то теперь они заглохли. Более того, либерал-технократическая часть правящей корпорации в такой же степени стремится к статус-кво, как и силовая бюрократия. Перерождение технократов из инструмента реформ в инструмент стабилизации — важная часть политического процесса, который происходил в России в последние годы.

Усиление защитных рефлексов среди тех, кто сумел закрепиться на различных ярусах власти, не является чем-то уникальным — это естественное следствие постреволюционного синдрома, который проявляется не только в тяге к стабилизации, но и к частичной реставрации. Этот синдром охватывает и оппозицию, которая становится охранительной силой в том смысле, что не может выйти за пределы прежних представлений о политике и борьбе, при этом занимая оппозиционную нишу и осложняя выход на сцену новых политических сил. «Казус Касьянова», т. е. попытка предложить мягкий вариант оппонирования власти, продемонстрировал еще одну закономерность: реальная оппозиция в России может оформиться только как жесткий антисистемный ответ бюрократическому авторитаризму. Но этот ответ может получить массовую базу лишь по мере нарастания кризисных явлений. Между тем Россия все еще находится на стадии консолидации *промежуточной государственности*.

Усиление бюрократической корпорации не могло не сопровождаться ее экспансией в экономической жизни. В период правления Путина оформился слой аппаратчиков-олигархов, которые контролируют собственность, не владея ею и не неся за нее ответственность, превратившись в паразитический класс рантье. Провозгласив лозунг «*энергетической сверхдержавы*», российская правящая корпорация продемонстрировала попытку возродить глобалистские амбиции и увязать их с самовоспроизводством за счет эксплуатации сырьевого ресурса. Эволюция российского государства в направлении Petro-State может завершиться превращением России в сырьевой придаток мирового сообщества. Но так как речь идет об уникальном опыте сочетания признаков Petro-State и ядерной державы, нельзя исключать непредсказуемых последствий такого симбиоза как во внутренней, так и во внешней политике России. «Газовая война» с Украиной дает представление о том, как может вести себя российский Petro-State на международной сцене и как это государство использует конфликт в целях достижения электорального эффекта внутри страны.

До недавнего времени российская элита, пытаясь найти механизм консолидации общества, разрывалась между неоиimperским вектором и экспериментированием с русским национализмом. Сегодня она все активнее обращается к Русской идее, поощряя национал-популистские настроения и антизападничество. Именно Русская идея оказывается наиболее адекватным обоснованием защитно-консервативной функции *промежуточной государственности*. Правда, власть надеется, что ей удастся контролировать экспансию русского национализма. Но в момент кризиса идеология поиска врага может оказаться самой востребованной в России формой самоутвержде-

январь 2006 г.

ния. Заметим, однако, что и неоимперский вектор, и русский национализм выпадают из современного контекста. Надежды части российской элиты воссоздать империю даже в форме «энергетической сверхдержавы» вряд ли имеют какие-либо шансы на реализацию, а потребность в национальном российском правящий класс ощутил тогда, когда мир переживает кризис национально-государственной парадигмы, что лишь усиливает ощущение тупиковости российского развития.

Сценарий написан — дело за актерами

Повестка дня российской власти на 2006 г. очевидна. Вот ее приоритеты:

- Сохранить умиротворенность в обществе. В этих целях власть провозгласила «национальные проекты», которые должны продемонстрировать заботу о бюджетах и создать видимость «левого поворота».
- Предотвратить фрагментацию политического класса в борьбе за власть в 2007—2008 гг.
- Легитимировать аппаратный капитализм. Речь также идет о формировании «сырьевой» монополии, которая могла бы выступать от имени государства вне зависимости от того, кто будет находиться у власти.
- Восстановить влияние России на бывшем советском пространстве, которое рассматривается как фактор ее внутренней консолидации.
- Обеспечить поддержку российской стабильности Западом. При этом Россия намерена действовать одновременно как партнер Запада и его соперник.

Речь идет об амбициозной программе — сохранить то, что есть, и получить поддержку статус-кво как общества, так и Запада, убедив их, что бюрократический авторитаризм в исполнении нынешней команды и ее преемников — это лучшее из возможного. Концепция «меньшего зла» относительно российского режима действительно имеет свою аудиторию, и не только в России. Успешная кооптации западных политиков в качестве добровольных помощников Путина свидетельствует о том, что влиятельные силы на Западе не только заинтересованы в сохранении российской стабильности, но и в превращении России в сырьевой ресурс западного сообщества.

Каковы гарантии того, что Кремлю удастся реализовать эту повестку дня? Есть немало вопросов по поводу осуществления двух мегапроектов 2006 г. — «национальных проектов» в социальной политике и питерского саммита «восьмерки». Нет сомнений, что осуществление «нацпроектов» не уложится в 4% ВВП и потребует больших расходов, следовательно, нельзя исключать всплеска инфляции. Но в целом у власти достаточно средств, чтобы создать имитацию успеха своей социальной политики и удерживать ее до тех пор, пока не будет решена проблема преемственности.

Что касается саммита «восьмерки» и председательства в ней России, то Кремлю придется пережить немало неприятных моментов, прежде всего связанных с повышением внимания к России мирового общественного мнения и его критическим отношением к российским реалиям. Однако будем исходить из предположения, что Запад заинтересован в том, чтобы выезд «восьмерки» в Россию дал основания считать мероприятие успешным.

А потому западные лидеры, несмотря на их растущую обеспокоенность медвежьими ухватками Кремля, скорее будут готовы подыграть Путину в его стремлении использовать саммит в своих имиджевых целях, а также для запуска идеи России как «энергетической сверхдержавы». Тем более что западное сообщество, погруженное в собственные проблемы, не имеет ни стратегии в отношении России, ни возможности повлиять на ее траекторию и пока не задумывается над тем вызовом, которым может оказаться Россия в будущем.

Если российской правящей команде удастся избежать очевидных глупостей, то остальные пункты «повестки дня-2006» также вполне осуществимы. Раскол российской элиты возможен лишь при нескольких условиях, которые в России отсутствуют: массовом недовольстве снизу, фронде внутри режима, брожении среди молодежи и наличии независимого телевидения. Власть имеет основания надеяться, что экспансия государства в экономику не встретит сопротивления, а, напротив, будет поддержана обществом и в ближайшие годы Кремлю удастся избежать катастрофических последствий огосударствления экономики. Пока в России нет обеспокоенности и по поводу превращения страны в обслуживающий развитые страны сырьевой резервуар, что объясняется ситуативностью российского развития и отсутствием его стратегического осмысления в обществе.

России не удастся остановить бегство Украины, которая все еще рассматривается российским обществом как продолжение России, на Запад. А это бегство неизбежно повлечет за собой распад СНГ и прежних представлений об интеграции на постсоветском пространстве. Сомнительно, что взамен России удастся утвердить себя в качестве «энергетической метрополии». Но весьма реально укрепление влияния России там, где она рассматривается как охранительный фактор (в Белоруссии и Центральной Азии).

Власть продолжает пилить под собой сук

Таким образом, если речь идет о 2006 г., то российской власти не нужно предпринимать сверхусилий, чтобы в основном решить те задачи, которые она перед собой ставит. Сохранение высокой цены на нефть, резервы стабилизационного фонда, отсутствие жизнеспособной оппозиции, усталость общества от встрясок, сервильность элиты — все это облегчает переход к новому циклу в эволюции бюрократического авторитаризма. Но тогда почему власть так нервничает, пытаясь создать вокруг себя политическую пустыню? Все дело в логике системы, которую, очевидно, часть политического класса осознает: чем больше эта система стремится обеспечить *определенность результата* и чем больше она себя герметизирует, тем вероятнее угроза антисистемных событий. Почти по Черномырдину: «Хотели, как лучше, а получилось...». Недавним примером того, как работает *закон непреднамеренных последствий*, стала «газовая война» Кремля с Украиной, которая нанесла удар по идее «международной энергетической безопасности», инициатором которой выступает российский лидер. В любом случае речь идет о провале, даже если российские правящие кланы в результате этой операции получили временную тактическую выгоду.

Учтем и то, что все российские проблемы начиная с военной реформы и кончая кризисом межбюджетных отношений, отложенные «на потом», могут дать о себе знать в любой момент. А потому нет полной уверенности, что жизнь будет развиваться по кремлевскому сценарию.

Равно как нет и возможности точно предвидеть вариант, по которому она будет развиваться. Следовательно, будем готовиться к любым неожиданностям, которые, кстати, может спровоцировать сама власть, когда она будет пытаться исключить нежелательное.

Лилия Федоровна Шевцова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Российская внутренняя политика и политические институты».

В брифинге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2006

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: (095) 935-8904; Факс: (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru <http://www.carnegie.ru>

CARNEGIE ENDOWMENT
for International Peace

1779 Massachusetts Avenue, NW
Washington, DC 20036, USA
Tel.: (202) 483-7600; Fax: (202) 483-1840

E-mail: carnegie@ceip.org <http://www.ceip.org>